

Использование магической силы истощило последние силы Цзи Саньмэя. С трудом выговорив последнее слово, он рухнул вперёд — прямиком в тёплые объятия.

Зрение Шэнь Фаши наконец прояснилось, но лицо его оставалось землистым, а дыхание сбивчивым, будто сжатый в груди ком. В горле стоял металлический, ржавый привкус — густой и тяжёлый, готовый выплеснуться наружу в любую секунду.

Он перевернул Цзи Саньмэя, крепко прижал ладонь к его груди, намереваясь изгнать яд.

Но едва рука коснулась тела, как её обхватили крошечные ладошки.

— Брат Шэнь...

За считанные мгновения кожа Цзи Саньмэя покрылась красными пятнами, будто у варёного рака. Его слабый голосок, похожий на пёрышко, щекотал сердце Шэнь Фаши. То лёгкое прикосновение, то отстранение — будто играя, оно не решалось исчезнуть окончательно.

Цзи Саньмэй выгнулся, издавая хриплые, щенячьи стоны, от которых у Шэнь Фаши мгновенно загорелись уши.

Прикусив нижнюю губу, Цзи Саньмэй обвил руками талию Шэнь Фаши. Голос его, сладкий и сиплый, напоминал горячий песок, смешанный с густым мёдом:

— Брат Шэнь, мне так плохо...

Лицо Шэнь Фаши меняло краски: то бледнело, то зеленело, то алело. В его объятиях трепетало горячее тельце, будто от боли и страха, но если приглядеться — из ещё детских, ясных глаз Цзи Саньмэя струился густой соблазн. Он, словно невидимые руки, снимал с Шэнь Фаши одежду, как кожуру с фрукта.

Маленький язык Цзи Саньмэя игриво высунулся изо рта, оставив блестящую капельку слюны — словно приглашая Шэнь Фаши укусить его.

Шэнь Фаши всё понял, однако его догадка слегка расходилась с действительностью.

Неужели этот негодяй нанёс на клинок любовный яд? Зачем он похитил Цзи Саньмэя?

При этой мысли дыхание Шэнь Фаши спёрло, будто попав в водоворот.

Он провёл окровавленной рукой по воздуху — и в нём проступила руническая печать перемещения. Сорвав её с пустоты, Шэнь Фаши одновременно прикрыл голову малыша, прижав его лицо к своей груди: нельзя, чтобы кто-либо увидел его в таком виде.

Чанъань, разумеется, и был этим «кем-либо».

Услышав шум, Чанъань подбежал с таким напряжённым лицом, что даже кудри его казались взъерошеннее обычного. Водопад мелких завитков ниспадал на плечи, делая его похожим на нестриженного ягнёнка.

Он уставился на бесформенную массу на земле, тщетно пытаясь взглядом восстановить её человеческий облик.

...Этого человека он видел прошлой ночью... вроде бы, фамилия Лун...

Крошечная Лун Юнь шла за ним, уцепившись за пояс, и робко спросила:

— Кто это?

Очертания челюсти Чанъаня резко напряглись. Он развернулся, подхватил малышку и прикрыл ей глаза. Не умея лгать, он уставился на ещё дёргающуюся плоть, и голос его задрожал:

— Никого... Это не человек.

Лун Юнь растерянно проговорила:

— Он похож на моего папу.

Чанъань молчал, его нежное лицо налилось багрянцем.

— Чанъань, останься здесь, — голос Шэнь Фаши звучал хрипло от чрезмерного сдерживания. — Чуаньдэн услышит и придёт. Скажи ему: я хочу, чтобы этот человек остался в живых... Ай!

Шэнь Фаши резко вдохнул.

Цзи Саньмэй, весь горячий и беспокойный, ёрзал в его объятиях, пока не нашёл, чем бы заняться.

С чувством он впился в уже набухший сосок Шэнь Фаши, играя языком и вызывая зуд даже сквозь ткань.

Он увлечённо кусал, пока по его заднице не шлёпнули.

Ощущение покалывания и жара, будто крошечное пламя, кружилось меж бёдер, заставляя Цзи Саньмэя смеяться.

В полубреду он улавливал лишь обрывки фраз — вроде бы, Чанъань спрашивал, что с ним. А в следующий миг вокруг воцарилась тишина, в носу закружился аромат подсолнухов, а в лёгкие хлынул густой, сероватый туман.

Шэнь Фаши унёс его от павильона Ишуй.

Гибкий, с влажными губами, Цзи Саньмэй растаял в объятиях Шэнь Фаши, будто весенняя вода. Меж его ног уже было мокро, и этот запах, смешиваясь с ароматом свежей травы, создавал пьянящую, развратную смесь.

Внутренний огонь заставлял Цзи Саньмэя бездумно прикипать к Шэнь Фаши, целовать его:

— Учитель, брат Шэнь... Брат Шэнь, учитель... Больно, больно...

Цзи Саньмэй и вправду страдал: его тело ещё не созрело, и не было выхода страсти. Он мог лишь кататься по земле от боли, весь красный, будто рак, вытащенный из костра.

Кто-то окликнул его:

— Младший брат Цзи...

Цзи Саньмэй обхватил бёдрами талию того человека, отчаянно пытаясь найти то, что утолит

его желание:

— К чёрту младшего брата. Зови меня сладеньким.

Тот надолго замолчал...

Очевидно, это слащавое обращение показалось ему слишком стыдным, и он не мог вымолвить ни слова.

Цзи Саньмэй, раздражённый, снова потянулся к нему губами.

Но на этот раз его оттолкнули.

Цзи Саньмэй прищурился. Жар поглотил его мир, и теперь он был просто горячим куском плоти, плывущим в пустоте, — без прошлого, настоящего и будущего.

С пылающим лицом он разглядывал то расплывающееся, то чёткое лицо перед собой:

— Брат Шэнь, какие у тебя красивые губы.

Он протянул руку, чтобы прикоснуться. Нежные пальцы скользнули по губам Шэнь Фаши, словно по струнам, с восхищением:

— Какие красивые... Жаль.

— Что жаль?

Цзи Саньмэй усмехнулся:

— Жаль, что сам их не поцелуешь. — Он придвинулся, чтобы захватить пухлые губы. — А я могу.

Шэнь Фаши, не выдержав, сбросил Цзи Саньмэя на мягкую землю.

Зелёная трава мирно колыхалась на ветру, как вдруг на неё свалился Цзи Саньмэй, примяв стебли. Выступивший сок отпечатался у него на спине, обрисовав чёткий силуэт.

Цзи Саньмэй обиженно проговорил:

— Брат Шэнь, ты даже не хочешь меня... Лицемер.

Лицо Шэнь Фаши удачно дополнило зелень травы:

— Если не угомонишься, вышвырну тебя в воду.

Цзи Саньмэй нахмурился, задумался, а затем просиял:

— А, понятно! Брат Шэнь просто не может.

Шэнь Фаши...

Это место находилось в пяти ли от усадьбы Сюй, в глуши, где лишь дикие подсолнухи смотрели на солнце, а рядом тихо струилась река Ишуй. Без лишних слов Шэнь Фаши окунул одурманенного соблазнителя в воду.

Подержав его в прохладной воде около времени, нужного на чашку чая, Шэнь Фаши, весь в огне, вытащил его и легонько хлопнул по щеке:

— Протрезвел?

Собственный голос удивил его.

Глаза-персики Цзи Саньмэя были полны немого укора, а выражение лица — крайней обиды. Просторная монашеская роба, намокнув, потемнела и плотно облегла тело, подчёркивая юные, но уже соблазнительные изгибы. Кожа его была белоснежной, стань высокая, а мокрые бёдра зажали подол, создавая узкую линию, которая лишь подчёркивала тонкую талию и широкий таз.

С видом невинного младенца Цзи Саньмэй обиженно заявил:

— Не учительская вода... Невкусная.

Шэнь Фаши никогда не слышал столь бесстыдных намёков, потому не вник в смысл, решив, что Цзи Саньмэй пришёл в себя, и принялся вытирать его:

— Не простудись. Вылезай, оботру.

Цзи Саньмэй проворно выбрался на берег и мгновенно разделся догола. Кожа, остывшая после воды, утратила ярко-красный оттенок, оставив лишь лёгкий розовый румянец.

Лицо Шэнь Фаши на мгновение вспыхнуло, но он промолчал. Сняв свою верхнюю робу, он укутал ею юное тело и принялся тщательно обтирать его.

Дойдя до шеи, он увидел содранную кожу на ранке — и глаза его вновь потемнели, с трудом сдерживая бушующий внутри хаос:

— Впредь не выходи один.

— Хм, — последовал послушный ответ.

Шэнь Фаши немного успокоился, вытирая влагу между его ног:

— Впредь я буду рядом. Не оставлю тебя. *Жди, пока вырастешь.*

— Насколько рядом?

— Насколько захочешь.

— На расстоянии пощёчины.

Требование было наглым, но уголки губ Шэнь Фаши удовлетворённо дрогнули:

— Хорошо.